

«Детское чтение для сердца и разума».
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

10

2021 (268)

6+

Детская

Палмер Кокс
*Новый
Мурзилка*



ISSN 1684-0895



9 771684 089001 >



Владимир Солоухин

Берёза

В лесу еловом всё неброско,
Приглушены его тона.
И вдруг белым-бела берёзка
В угрюмом ельнике одна.

Известно, смерть на людях проще.
Видал и сам я час назад,
Как начинался в дальней роще
Весёлый, дружный листопад.

А здесь она роняет листья
Вдали от близких и подруг.
Как от огня, в чащобе мгlistой
Светло на сто шагов вокруг.

И непонятно тёмным елям,
Собравшимся ещё тесней:
Что с ней? Ведь вместе зеленели
Совсем недавно. Что же с ней?

И вот задумчивы, серьёзны,
Как бы потупив в землю взгляд,
Над угасающей берёзой
Они в молчании стоят.





Ф. Толстой
Ветка крыжовника
1818 г.

В номере:

3

Палмер Кокс
Новый Мурзилка

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ
Савва Ямщиков
Вазы Древней Греции

22

ЖИВОЙ УГОЛОК
Олег Трушин
Калиновый куст

25

ГЕРБАРИЙ
Василёк

27

РАССКАЗЫ
Надежда Бессонова
Декабрист

29

УГОЛОК РОССИИ
Наталия Будур, Зелимхан Евлоев
Елецкое Чудо Света

32

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...
Сергей Ив. Иванов
Ольгин Крест

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА



Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Елена Петрова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «**Роспечать**»

72766 на полугодие, **71899** на год;

в объединённом каталоге

«**Пресса России**»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«**Почта России**»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68349 от 30.12.2016 г.

Подписано в печать 27.09.2021

Отпечатано в АО «Красная Звезда»

125284, Россия, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Тираж 1380 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 5502-2021

© «Роман-газета», 2021 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Палмер Кокс

Художник О. Ионайтис

Новый Мурзилка

Удивительные приключения и странствия
маленьких лесных человечков



Перевод с английского языка А. Хвольсон

Я маленький лесной человечек, один из многих маленьких человечков или эльфов, которые живут в лесу под листьями папоротника и отправляются каждый год странствовать по всему свету. В каких странах мы ни были! Чего только мы не видали! Каких приключений ни испытали! Про эти странствования уже написано много-много, но далеко ещё не всё. Нынче летом мы опять совершили большое путешествие, и про это-то путешествие я хочу вам подробно рассказать. В этом путешествии приняли участие почти все наши лесные малютки: и наш врач, доктор Мазь-Перемаз, Дедко-Бородач, и Знайка, который всё знает, и его родной брат Незнайка, который ничего не знает, и ловкий Скок, и охотник Мик, и Вертушка, и китаец Чи-ка-чи, и индеец Ски, и Микробка, и Пуговка, и Чумилка-Ведун, и рыболов Лим, и американец Джон, и... Впрочем, если бы я захотел перечислять всех малюток, то пришлось бы исписать много-много страниц, так как список лесных малюток очень-очень длинный. Первым в этом списке значусь я, Мурзилка. И это понятно: я ведь самый умный из всех, самый храбрый, самый смелый. Мои товарищи обо мне другого мнения, но они несправедливы. Впрочем, вы это сами узнаете из моего рассказа...

Так вот, в это лето мы, лесные малютки, по обыкновению, отправились в путешествие — посмотреть дальние края.

Отправились мы не пешком, не по железной дороге, не на пароходе, а на трёх летательных машинах: двух аэропланах и одном дирижабле. Я поместился на дирижабле: на нём, говорят, безопаснее летать, чем на аэропланах.



Любя удобства, я привязал к машине маленькую отдельную лодочку и спокойно расположился в ней. Летали мы по воздуху целых три дня и три ночи; под нами видны были реки, моря, горы, поля. Устав порядочно, мы решили спуститься на острова, на землю, у самого берега моря.

— Где мы? — обратились все к Знайке. Но Знайка, который обыкновенно всё знал и всегда мог указать, в какой мы находимся стране, на этот раз не мог ответить.

— Мы находимся на каком-то отдалённом, неизвестном острове, — ответил он.

Собравшись на берегу моря, мы начали совещаться, остаться ли нам или ехать дальше. Вдруг неизвестно откуда на нас полетели яйца, апельсины, картофелины... Одно яйцо угодило прямо в мою шляпу, разбилось вдребезги и окатило меня желтовато-белой жидкостью.

Я вскрикнул... Конечно, не от страха и не от боли, а просто так... даже готов был бежать. В это время прямо мне навстречу появилось какое-то страшное, обросшее волосами чудовище, похожее немного на человека, но без всякого костюма.

Я закрыл глаза — до того отвратительно выглядело это чудовище.

— Это обезьяна! — объяснил нам Знайка.

Доктор Мазь-Перемаз, Ведун и Скок бросились на чудовище и стали с ним бороться.

Чудовище кричало или, вернее, рычало так, что страшно было слушать. Я воспользовался общою суматохою, чтобы привести в порядок свой костюм и в особенности шляпу, а затем вернулся к нашим ма-

луткам, которые тем временем успели повалить чудовище на землю и, несмотря на его крики, стали связывать его верёвками.

Не успели мы ещё справиться с этою обезьяною, как появились другие, такие же некрасивые, такие же страшные. Но мы не трусили, в особенности же я, Мурзилка, хотя я и держался немного подальше от обезьян, потому что они показались мне очень уж нечистоплотными и отвратительными...

Обезьяны очень сердито посмотрели на нас, малюток, и имели, очевидно, желание вступить с нами в драку. В особенности им не понравились модная шляпа, которую я всегда ношу, и моё стёклышко в глазу. Я заметил, как они намеревались броситься на меня. Но не тут-то было! Пока первую обезьяну связывали, Знайка со Скоком смастерили нечто вроде клетки и силою втолкнули в неё другую пленницу, не обращая внимания на её крики. Двух других обезьян, помоложе, повёл Дедко-Бородач, привязав одну к другой; остальные точно также были связаны и перевязаны.

— Мы повезём этих обезьян с собою и продадим их в зоологический сад, — предложил Знайка.

Каждую пойманную обезьяну Знайка снабжал тотчас же ярлыком с номером, чтобы легче их было узнать, после чего мы повели их всех в пустой сарай, стоявший на берегу.

Сначала обезьяны упирались, не хотели идти. Но наш охотник Мик придумал для них приманку: он привязал к верёвке апельсины и взял в руку связку вкусных бананов и пошёл вперёд. Обезьяны, почуяв вкусные плоды, побежали за Миком. Таким образом, мы всех наших четвероногих врагов привели в сарай, находившийся у берега моря, и заперли на ключ.



Сами же мы в это время улеглись на берегу и, усталые с дороги, крепко заснули.

Спать, однако, пришлось недолго. Вскоре нас разбудил какой-то шум. Мы все вскочили на ноги и что же видим? Запертые в сарае обезьяны взламывают дверь и выбегают одна за другой.

Но далеко убежать им не пришлось. Мы бросились ловить их. Обезьяны, очевидно, сильно проголодались, потому что очень спокойно дали перевязать себя и послушно последовали за Миком, который накинул одной обезьяне на шею веревку и повел её впереди.

Обезьяны не успели сбросить с себя деревянные таблички с номерами, которые мы повесили им на шею, и шли теперь гуськом в порядке номеров, нарисованных на табличках. Только две обезьяны оказались упрямее других и не захотели идти. Тогда мы, недолго думая, притащили корзину, силою втокнули в неё упрямец и заставили других обезьян частью волочить корзину по земле, частью нести на руках.

Когда мы привели всех обезьян к опушке леса, Знайка вдруг предложил снять с них карточку и уже приготовил свой фотографический аппарат.

Но обезьяны страшно перепугались аппарата. Им, видно, показалось, что это пушка, из которой их всех хотят перестрелять, и они стали рваться, кричать, визжать.

Тогда Мик с Ведуном, недолго думая, привязали всех крикунов к дереву и предложили Знайке, у которого всегда был фотографический аппарат с собою, начать снимать, чтобы сохранить на карточке память о первой нашей победе на неизвестном острове.

— Прошу стоять смирно, я начинаю, — произнес громко Знайка. — Раз, два, три...

При слове «три» щёлкнул аппарат, но в то же время одна из обезьян, вырвавшись из верёвок, вскочила на дерево.

Тогда Знайка ещё раз снял связанных обезьян. Карточка удалась превосходно.

После этого мы опять заперли всех обезьян в сарай, а сами отправились осматривать остров.

И вдруг среди развесистых пальмовых деревьев видим странное животное, похожее не то на козла, не то на осла. Заметив нас, животное сделало большие глаза.

— Вот бы нам прокатиться на этом осле-козле! — заметил Скок.

— Не советовал бы! — сказал доктор Мазь-Перемаз. — А то это животное, чего доброго, сбросит всех, и мне же придется лечить ваши ушибы...

— Не придется, — решил Знайка. — Сейчас посмотрим, как это животное отнесется к нашей затее... Вот что: первым делом я сниму с него портрет. У меня ведь фотографический аппарат с собою... И, недолго думая, Знайка направил свой аппарат на козла-осла. Тот точно понял, что с него хотят снять карточку, и спокойно уселся на земле.

— Эй, смотрите, чтобы этот зверь не причинил нам беды! — предостерегал я моих товарищей.

— Прошу сидеть спокойно! — закричал в это время Знайка животному. — Я снимаю!

Козёл-осел оказался очень спокойным и смирным: он не только позволил снять с себя портрет, но даже, как мне показалось, улыбнулся, глядя на фотографический аппарат. И портрет удался прекрасно.

— Нам нечего бояться, — проговорил Заячья Губа, подошел к ослу-козлу и схватил его за рога.



— Будьте столь любезны и встаньте на минутку, — сказал он при этом вежливо.

Животное послушно встало. Недолго думая, Дедко-Бородач и доктор Мазь-Перемаз вскарабкались ему на спину;

— Смотрите, осторожнее! — повторил я.

Тут случилось то, чего никто не ожидал: казавшийся таким смирным, осел-козёл, почувствовав, что кто-то сел на его спину, рванулся и...

Мазь-Перемаз с Дедком-Бородачом полетели вверх, а державший животное за хвост Чумилка-Ведун очутился на земле.

Я один остался цел и невредим, но после случившегося я уже потерял охоту к прогулке на осле-козле.

Животное, сбросив с себя всадников, преспокойно принялось рвать пальмовые листья.

— Эх, вы! — закричал между тем Ведун. — Не так сделали, как надо. Тех, кто желает прокатиться на осле-козле, надо просто привязать к спине животного.

— Да, да, это верно, — ответили в один голос китаец Чи-ка-чи и охотник Мик, и они с Ведуном первые изъявили желание, чтобы их привязали к спине осла-козла.

Сказано — сделано. Как только все трое вскарабкались на спину осла-козла, Вертушка, Дедко-Бородач и другие, перевив их ноги веревкою, перекинули её по животу осла-козла и крепко-накрепко привязали трех всадников.

В это время Знайка приготовился снять новую карточку.

Пока Знайка собирался снять портрет с козла-осла и сидевших на его спине трех всадников, странное животное стояло смирно. Но вот Знайка произнес: раз, два, три... — и щёлкнул аппаратом.

Тут случилось опять неожиданное происшествие: осел-козёл рванулся с места, привскочил и бросился бежать. Привязанные к нему всадники полетели на воздух, но веревка крепко придерживала их за ноги, и они точно летели по воздуху, подбрасываемые то вверх, то вниз.

От толчка охотничье ружье Мика выстрелило и, очевидно, ещё больше напугало осла-козла. Он помчался без оглядки и бежал, пока не наскочил на дерево. Веревка, которою были привязаны все три всадника, зацепилась за сук, и наши всадники очутились на дереве, точно привязанные к нему.

Все это я видел, стоя вдали и... радуясь, что между всадниками не было меня.

Все три всадника, брошенные на дерево ослом-козлом, висели, прикреплённые за ноги к ветке, и кричали о помощи. Не будь меня поблизости, не знаю, что бы случилось. Но и я не мог помочь им, потому что надо было бы перерезать веревки, а у меня не было в кармане ножа. Кроме того, мне не достать было до ветки.

— Подождите, — крикнул я, — сейчас сбегая за другими малютками и за лестницею и вас освобожу!..

— Нет, ждать нельзя, — ответил Мик, — я попробую освободить нас другими способом.

В руках у Мика был заряженный револьвер. Мик был меткий стрелок. Хотя стрелять в таком положении, в каком он находился, то есть головою вниз, было ужасно неудобно, Мик прицелился и выстрелил прямо в ветку. Ветка сломалась, и все трое полетели на землю.



— Ау! Ау! У меня, кажется, при падении отлетела голова! — закричал китаец Чи-ка-чи, хватаясь за косу, но, убедившись, что коса у него на месте, успокоился.

Ведун стонал и растирал ушибленную руку. Один только Мик бодро встал на ноги, прихрамывая, и стал искать козла-осла.

— Что ты хочешь делать? — спросил я Мика.

— Я застрелю этого упрямого козла! — сердито сказал Мик, но своего решения не исполнил, так как нас уже ждало новое приключение.



На пустынном острове, на котором мы очутились, оказалось много змей. Их шипение слышно было издали. Когда мы с китайцем Чи-ка-чи, Ведуном, Миком и попавшимися нам по дороге Индейцем и Скоком отправились по направлению к берегу, вдруг точно из-под земли выползли три змеи и так грозно посмотрели на нас, что даже я, который никогда и ничего не боюсь, и то испугался. Это, кажется, было в первый раз в моей жизни, что я на самом деле испугался.

Заметив выползавших из-под земли змей, я бросился бежать, зная, как опасно иметь с ними дело. Змеи между тем выползли на землю и стали карабкаться на деревья. Точно кольцом обвили они толстые пальмы, поднимаясь все выше и выше.

В это время подросли другие малютки и в ужасе остановились. Змеи сердито и злобно посмотрели на них, а одна из гадин широко раскрыла свою пасть, точно желая проглотить всех зараз.

— Вот хорошо бы снять карточку со змеи на дереве, — сказал прибежавший в числе других Знайка и уже наставил свой фотографический аппарат на одну из змей.

В это время с другой стороны раздался громкий крик нескольких наших малюток. Оказалось, что одна из змей, притаившаяся на ветке дерева, заметила проходивших Матросика и Дика, неожиданно спустилась вниз и, продолжая держаться хвостом за ветку, обвила обоих — и Матросика, и Дика — и уже готовилась их проглотить.

— Спасите! Помогите! — кричали Дик и Матросик.

— Подождите! — воскликнул Индеец. — Я сейчас освобожу вас от злой змеи. У нас в лесах много змей. Я знаю, что делать. Эй, — прибавил он, обращаясь к Дедке-Бородачу, — помоги мне только вскарабкаться на дерево...

Поднявшись на дерево с помощью Дедки-Бородача, Индеец собирался уже разрубить змею топором, но в это время другая змея, спустившись с ветки, так больно ужалила его в руку, что Индеец с криком упал на землю, причем чуть было не зарубил топором стоявшего рядом Микробку. Микробка отско-

чил в сторону и при этом невольно ударил ту змею, которая держала Дика и Матросика. Змея закачалась во все стороны, зашипела, бросила обоих малюток и в одно мгновение свернулась на ветке. Дик и Матросик были спасены, но ненадолго: не успели они ещё опомниться, как из-под дерева выползла ещё одна огромная змея и, открыв широко свою пасть, проглотила обоих малюток.

От проглоченных двух малюток живот змеи сразу сильно раздулся, и самой змее, очевидно, трудно стало двигаться с тяжёлою для неё ношей.

В это время Мик, зарядив свой револьвер, подошёл близко к змее и намеревался выстрелить в неё. Он надеялся, что ему удастся спасти товарищей, барахтавшихся в животе змеи. Но змея, не дожидаясь выстрела, быстро подползла к Мику и проглотила его точно так же, как проглотила Дика и Матросика. Находясь уже в пасти змеи, Мик успел выстрелить, но его выстрел попал не в голову змеи, а в сумку ловившего как раз рыбу на берегу моря Лима-малютки, который прибежал, услышав крики своих товарищей.

Теперь живот у змеи стал ещё толще, и она совсем уже не могла двигаться.

— Пожалуй, успею теперь снять карточку, — произнес Знайка, направляя свой фотографический аппарат на лежавшую на земле и не дышавшую змею.

Пока Знайка снимал портрет змеи, отовсюду бежали малютки. Кто с саблею, кто с ножом, кто с топором.

— Теперь-то уж я, наверное, успею отрубить у этой змеи голову, — говорил Индеец и собирался исполнить свое намерение.

Вдруг из самого живота змеи раздался выстрел и вслед затем весёлые крики:

— Ура! Мы спасены!

Оказалось, что Мик и в животе у змеи не растерялся и выстрелил из револьвера, отчего в коже змеи образовалось отверстие.

В один миг подбежавшие малютки ножами и саблями расширили отверстие и помогли выползти товарищам, проглоченным змеею. Они вышли совершенно целы и невредимы.

Всё это я видел, стоя вдали.

Долго-долго сидели мы все после этого и рассказывали друг другу о грозившей нам опасности.

Рассказ прервал японец Коки, один из самых больших ростом лесных малюток.

— Братцы, кто желает переправиться через реку по канату? — спросил он.

— Я! — воскликнул Рустик.

— И я! — первый заявил китаец Чи-ка-чи.

— И я! — добавил Матросик.

Коки был, как и все японцы, очень ловкий малый. Он тотчас же перекинул канат на другую сторону реки, зацепил его за большое дерево и предложил последовать за ним всем, кто пожелает.

Вскоре все четверо лесных человечков, качаясь из стороны в сторону, стали перебираться по канату на другую сторону реки.

Добравшись до берега, они в один голос закричали «Ура!» и стали звать других тоже перебраться по канату.

— Ну, что ж? Попробуем? — спросил Ведун.

— Попробуем, — ответили Заячья Губа, Знайка, Скок, Карапузик и Дедко-Бородач.

Но едва они сделали несколько шагов по канату, как Ведун поскользнулся и чуть было не упал в воду. Другие тоже не удержались: Заячья Губа подпрыгнул, Знайка, с фотографическим прибором в руке, ухватился за канат руками, Скок уселся на канате на колени, причем своей длинной саблей чуть



было не убил Карапузика, ударив его прямо в нос. Кое-как все они наконец добрались до берега.



— Не собратся ли и нам? — предложил Индеец, обращаясь к доктору Мазю-Перемазу и ко мне.

— Конечно! — ответил Мазь-Перемаз.

— А ты как думаешь, Мурзилка? — обратился он ко мне. — Или ты боишься?

— Я никогда и ничего не боюсь! — ответил я.

— Не храбрись, Мурзилка, — засмеялся Индеец, — право, страшно...

Но я, очень ловкий, конечно, ничуть не побоялся.

— Слушай, Мурзилка, ты лучше останься, не ходи, — прибавил доктор Мазь-Перемаз. — Ведь по твоему лицу видно, что ты боишься...

— Нет, я не боюсь, — повторил я, — и вас тоже прошу за меня не бояться.

— Так идём, — сказал Индеец и первым ступил на канат.

За ним последовали Мазь-Перемаз и Лим, захвативший с собою удочку и несколько пойманных рыб. Я ступил последним.

Едва я поставил ногу, как канат начал качаться во все стороны. Удержаться стоя было очень трудно, и я, недолго думая, опустился на канат и уселся на нём верхом. Канат в эту минуту закачался ещё сильнее. Мазь-Перемаз, следуя моему примеру, тоже уселся на канате. А Лим, точно настоящий акробат, ловко качался на канате, то поднимая, то опуская удочку. Точно так же Индеец, качаясь из стороны в сторону, старался удержать равновесие, двигая то в одну, то в другую сторону рукою, в которой он держал топор.

Вдруг — трах! — нечаянно острие топора ударило по канату; канат затрепал, лопнул, и мы, все четверо, очутились в воде, не успев даже вскрикнуть...





Кто был рад этому приключению, так это рыбы, которых захватил с собою Лим: они весело прыгнули в воду и тотчас же скрылись.

Едва мы перебрались на другую сторону реки, как поднялся страшный ураган. Одних он подбрасывал на воздух, других валил на землю. Деревья так и гнулись от сильного ветра, и в воздухе стояли такой шум и гул, что никто не мог расслышать, как я кричал:

— Держите меня, держите Мурзилку, а то я упаду в яму!

И действительно, не прошло и минуты, как ветер свалил меня да Дедку-Бородачу в глубокую яму.

Но я все-таки оказался молодцом: чувствуя, что ветер хочет сорвать с меня шляпу и вырвать из моей руки трость, я быстро снял шляпу с головы, крепко схватил её одной рукой, в то время как другою придерживал трость. И так, со шляпою в одной руке, с тростью в другой, я летел вниз. На лету у меня упало стёклышко с глаза, так что я даже не видел, куда я падаю.

Очутился я на дне ямы вниз головой. Но, как ловкий гимнаст, я тотчас сделал прыжок и встал на ноги. Однако порыв ветра опять свалил меня. Тогда я улёгся и спокойно выжидал, пока ветер утихнет.

Я долго лежал на дне рва. Ветер продолжал бушевать. Он то стихал, то опять поднимался, пронзительно свистя.

Во рву было очень темно, но я все-таки разглядел, что кто-то копошится рядом.

«Наверно, змея!» — решил я и вскочил на ноги.

Тут раздался страшный писк и кто-то схватил меня за ногу.

Я не успел ещё вскрикнуть от испуга, как писклявый голос произнёс:

— Ах, это нога Мурзилки! Я узнаю её по острому кончику штиблета. Наверно, и сам Мурзилка где-нибудь близко.

— Я здесь! Я здесь! И это моя собственная нога! — воскликнул я. — Но я не узнаю вас. Кто вы?

— Я Дедко-Бородач, а со мною Микробка, — ответил тот же голосок.

В это время опять поднялся ветер, да такой сильный, что даже нас троих поднял вверх.

Но мы всё-таки удержались на самом краю.

Как раз в этот миг мимо нас пронеслись три всадника, сидевшие на быстром коне. Я узнал Мика, Ведуна, но третьего узнать не мог,

Не успели мы им крикнуть, как ветер свалил коня и всадников к нам, в ров...

Всему бывает конец. Кончился и ураган, и опять стало тихо и спокойно. Мы благополучно выкарабкались из рва и стали искать остальных малюток. Все они оказались целы и невредимы и со смехом рассказали о своих приключениях.



В это самое время я увидел, что у берега стоит большой корабль.

— Ура! — крикнул я. — Сядем на этот корабль и уплывём.

Моё предложение было принято. Мы все тотчас перебрались на стоявший у берега корабль, развели пары и отплыли от берега. Что касается меня лично, то я из предосторожности надел на себя три спасательных круга, которые, на случай если бы все потонули, не дали бы мне пойти ко дну.

Надев эти круги, я громко командовал: «Отчаливай!»

Только что мы отплыли от берега, как поднялся ужасно сильный ветер. На небе повисли грозные тучи. Сделалось почти совсем темно, только изредка молния ярко освещала всё кругом.

— Скверно! — заметил Знайка.

На корабле все забегали, засуетились.

— Мурзилка, — обратился ко мне Скок, — как же теперь быть? Ведь нашему кораблю грозит большая опасность!..

Я хотел было ему что-то ответить, но громадные волны с таким бешенством ударяли в наш корабль, что все равно ничего не было бы слышно, что бы я ни сказал. Зато я сам отчётливо слышал, как мои зубы стучали и ударяли друг о друга... Очевидно, это ветер так их тряс, потому что я сам, конечно, ничуть не трусил...

Между тем на палубе корабля закипела работа. Все суетились, бегали.

— Топоры чтобы были готовы!.. — кричал Дедко-Бородач, который принял на себя обязанности капитана. — Надо срубить все мачты, а то ветер, ударив в них, опрокинет наш корабль...

Не успел ещё Дедко-Бородач дать приказание, как послышался голос Скока:

— Наш корабль ветром несёт к берегу... Вот смотрите, там деревья!.. Если мы успеем схватиться за них, то мы спасены!..

Тут все малютки, один за другим, стали карабкаться на мачты, надеясь, что им оттуда легче будет схватиться за какое-нибудь дерево. А ветер между тем становился всё сильнее и сильнее, и все мы, взобравшиеся на мачты, едва могли удержаться на них...

Но вот, наконец, когда корабль приблизился к самому берегу, мы поймали какой-то сук и изо всех сил ухватились кто за сук, кто за ветки.

— Ура! — закричал было я. — Мы спасены!

Но в эту самую минуту сук разломился пополам, и я полетел кубарем вниз.

К счастью, я упал на лежавший на палубе мешок с мукою, а то разбился бы насмерть.

Недолго думая, я опять стал карабкаться на мачту. Корабль между тем то и дело ударялся о подводные камни и точно стонал под этими ударами.

Кругом было так темно, что мы друг друга не могли разузнуть. Вдруг раздался громкий голос Дедки-Бородача: «Держитесь за ветки!»

Яркая молния осветила всё кругом, и тут я увидел ветки большого дерева, которое росло на самом берегу. Ветки нагибало ветром то в нашу сторону, то



в сторону земли. Услышав приказание, все разом бросились на эти ветки и плотно прижались к ним.

Порыв ветра сильно всколыхнул ветки — и часть наших малюток благополучно очутилась на земле. Но только часть, остальные же остались на корабле, который качался во все стороны и точно собирался упасть в бездну. В числе оставшихся на корабле был и я: меня откинуло обратно на палубу, и я опять очутился на злополучной мачте.

— Не робей, ребята! — закричал Дедко-Бородач. — Кидай канаты на берег!

В один миг наши матросики стали бросать на берег прикрепленные к мачтам канаты, которые другие малютки, уже добравшиеся до берега, проворно схватывали.

— Пускай! — закричал опять Дедко-Бородач.

На канатах очутились небольшие мешки, в которые быстро усаживались двое-трое малюток и совершали своего рода воздушное путешествие на берег, причем некоторые успели выкупаться в море.

В одном из первых мешков переправился и я. Переправа была не особенно приятна, но я всё-таки был рад, когда добрался до земли.

После того, как мы очутились на берегу, Знайка сделал переключку всех малюток.

— Дедко-Бородач?

— Здесь!

— Мазь-Перемаз?

— Вот я!

— Индеец Ски?

— Здесь! Здесь!

— Микробка?

— Я тут.

— Мурзилка?

— Я тут!

Все оказались налицо, и притом все были живы и невредимы. Мало того — мы успели ещё унести с корабля несколько сундуков с разными вещами, в том числе один сундук с музыкальными инструментами.

Счастливые и довольные тем, что опасность миновала, мы немедленно принялись играть торжественный марш и открыли под звуки музыки шествие вдоль берега неизвестного острова.

Перепуганные неожиданным концертом, птицы летели кругом, издавая отчаянные крики.

Обойдя берег, шествие под звуки торжественного марша направилось к месту, где стояло несколько лодок. Мне, как дирижёру, следовало бы идти впереди, но я предпочёл место в задних рядах. И не пожалел. Дело в том, что едва шедшие впереди Мик с большим барабаном, Рикки и Заячья Губа с огромными трубами уселись в лодку, а как лодка перевернулась, все очутились в воде, между тем как вторая лодка, в которой я сидел с остальными малютками, благополучно двинулась вперёд.

Первый заметил падение в воду наших товарищей Знайка, и по обыкновению тотчас направил на них свой фотографический аппарат. Но упавшим в воду было не до фотографий: они барахтались в воде и кричали, чтобы им помогли.

К счастью, всё обошлось благополучно: все очутившиеся в воде опять сели в лодку, и мы с музыкой двинулись вперёд.



На самом берегу того острова, к которому причалили наши лодки, стояла хижина.

Из открытых окон хижины до нас доносилось храпение многих десятков спящих людей. Что это были за люди, мы не знали, потому что окна находились очень высоко и мы не могли ничего видеть.

— Тсс! — шепотом произнес Дедко-Бородач. — Надо, чтобы кто-нибудь из нас, кто похрабрее, влез по лестнице в хижину и посмотрел, кто там спит.



— Мурзилка самый храбрый из нас! — заметил, улыбаясь, китаец Чи-ка-чи. — Пусть Мурзилка и отправляется.

Я, конечно, готов был исполнить желание Чи-ка-чи, несмотря на то, что предстояло очень опасное предприятие, но меня определили Микробка, Бортик и Знайка: они заявили, что незаметно проберутся в хижину и узнают всё, что нужно.

Так мы и решили.

Спустя несколько минут в окошечко хижины выглянули лица Микробки, Знайки и Бортика. Они дали нам понять, что в хижине спят свирепые дикари.

Тотчас мы все собрались, чтоб обсудить, как быть.

Бежать опять мы не хотели, и после долгих споров решено было напугать спящих дикарей.

И вот, став кругом хижины, мы по знаку, который дал Дедко-Бородач, заиграли все сразу во все трубы, которые у нас были.

Играли мы с такою силою и так громко, что даже видно было, как в воздух вылетали из наших труб ноты. Вот как мы играли! Дикари проснулись, испуганно подбежали к окнам, но спросонья не могли сообразить, в чем дело. Страх их, очевидно, ещё больше увеличился, потому что не прошло и минуты, как все они повыскакивали из окон и бросились бежать без оглядки.

Когда уже ни одного дикаря не было видно, мы в один голос закричали «Ура!» и заиграли победный марш.

Но тут случилось то, чего мы никак не ожидали: из окон хижин, встревоженные нашею игрою или, быть может, привлеченные ею, выскочили целые десяти крысы и падали как в трубу, как в спину, как в голову играющим. Произошёл ужасный переполох. Мик выхватил свой револьвер и стал стрелять, но при этом упал на барабан, на котором играл Чи-ка-чи, и придавил, падая, одну крысу, а та стала страшно визжать. Чи-ка-чи, желая спастись от крыс, влез в барабан, разорвав его кожу, а Ведун пытался утешить крыс звуками трубы, но вскоре труба его перестала издавать звуки, потому что в неё попали сразу две крысы.



Всё это продолжалось, к счастью, недолго: раз, два, три — и все крысы куда-то исчезли, точно так же как исчезли дики, и мы могли спокойно войти в хижину, где тотчас же устроили себе ночлег.

Отдохнув в покинутой дикарями избушке и подкрепив свои силы оставленными ими припасами, мы отправились осматривать остров. Первым делом была осмотрена нами роща, находившаяся при домике. Там, между прочим, находился каменный ящик с водой, где плавала, очевидно, пойманная дикарями и приготовленная ими к обеду рыба. Рики не мог удержаться, чтобы не заняться своим любимым делом, ловлею рыбы, и тотчас же закинул в ящик свою удочку. Другие лес-

ные человечки в это время расхаживали по роще, разговаривая и споря. Один только Заячья Губа уселся на земле. Он, как оказалось, очень устал. Дело в том, что Заячья Губа был большой любитель собирания насекомых и надеялся в захваченные с собой пустые трубки набрать их целую грудку. Но как он ни искал в роще — ни одного насекомого не нашёл.

В то время, как мы все, таким образом, спокойно проводили время, откуда-то издали послышалось странное жужжание.

Услыхал это жужжание я первый и, конечно, поднял крик.

Жужжание между тем становилось всё громче и громче. Не прошло и минуты, как на полянке близ речки показалась целая армия маленьких чёрных не то мух, не то пчёл, которые, быстро двигаясь по земле, направлялись прямо на нас.

Среди малюток поднялся шум.

— Надо защищаться, это, вероятно, саранча! — закричал Знайка.

Чёрные существа между тем всё больше и больше стали налетать на нас. Ещё минута — и они уже набросились на Микробку и других. Началась страшная схватка... Ведун, Мик, Чи-ка-чи и другие стали отчаянно защищаться, кто руками, кто палками, кто — как Чи-ка-чи и Скок — саблями.

Чем кончилось бы это сражение — неизвестно, если бы вдруг не задул сильный ветер. Он поднял на воздух наших врагов и унёс их далеко.

Не успели мы отдохнуть и опомниться как следует от того, что произошло, как опять послышались какие-то странные звуки, но в этот раз уже не жужжание, а дикие крики.

— Знайка, да скажи же, что это такое? — спросил я. — Ведь ты всё знаешь, значит, и это должен знать.

— Подожди, — ответил Знайка. — Если я не ошибаюсь, это крик мартышек. Давайте спрячемся там, за этими высокими камнями, и посмотрим.

В один миг мы опустились на колени и, спрятавшись за камнями, стали наблюдать.

Крик доносился всё ближе и ближе, и вдруг перед нами появилась целая толпа мартышек, маленьких и взрослых. Они перепрыгивали с дерева на дерево, скакали по земле, кувыркались, делали утомительную гимнастику и при этом кричали так пронзительно, что я счёл нужным заткнуть себе уши ватой (я её всегда ношу на всякий случай в жилетном кармане), так как боялся оглохнуть.

Мартышки, очевидно, заметили нас и, как это почти всегда делают обезьяны, стали подражать нам; спрятались с другой стороны камней, выглядывая оттуда, точь-в-точь как мы.

— Мы должны поймать всех этих мартышек, — сказал Мик и уже приготовил веревку, чтобы набросить её на ту мартышку, которая ближе всего подошла к месту, где мы прятались.

— А моя удочка не пригодится? — спросил Рики.

— Да, да, пригодится! — ответил Мик. — Она очень длинная, и ею мы будем отгонять других мартышек.

Но мартышки, очевидно, смекнули, в чём дело, и пустились в бегство. А мы отправились дальше.

— Братцы-эльфы, собирайтесь в путь-дорогу! — скомандовал рано утром Ведун. — Мы отправляемся обратно морем на тот остров, откуда мы были.

...

Спокойно двигалась наша джонка вперёд, всё больше и больше приближаясь к отдалённому берегу.

Так как джонку порядочно качало, то большинство малюток под эту качку заснули крепким сном.

Не спал только наш капитан Чи-ка-чи да те из лесных человечков, которые исполняли по очереди обязанности матросов и усердно работали бамбуковыми вёслами. Не спал, кроме того, Ведун, так как он был избран караульщиком и обязан был ходить взад и вперёд по палубе и сторожить нашу джонку.

Я, Мурзилка, тоже не спал, потому что спать в высокой шляпе, со стёклышком в глазу, в узких сапожках и модном костюме — очень неудобно. Кроме того, я боялся смять во сне мой костюм. Ведь не так-то легко найти на необитаемом острове портного, который мог бы мне его отутюжить и обновить!..

Среди полного спокойствия на нашей джонке раздался громкий голос Ведуна:

— Караул! Караул! К нам приближается страшное морское чудовище!

В один миг все были на ногах. Со всех сторон раздались визг и крик. Одни побежали на палубу, другие столпились у окна каюты.

Когда я выглянул в окно каюты, на очень близком расстоянии от джонки показалась из воды огромная голова чудовища с широко раскрытыми глазами. Высунув из пасти жало, чудовище страшно шипело.



— Это морская змея! — крикнул Знайка. — Берегитесь, если она ужалит, то будет плохо. От укуса змеи человек умирает!

Слова Знайки ещё больше напугали всех. Пожалуй, из всех лесных человечков, находившихся на джонке, не испугался один только я. Правда, я не побежал, как другие, на палубу, а остался в каюте вместе со Скоком, Микробою, Незнайкою и некоторыми другими. Но я остался вовсе не потому, что



боялся, а потому, что мне казалось гораздо интереснее смотреть из отверстия палубы на море и на то, как наши малютки справятся с морской змеею. Но, будь у меня ружьё, я бы непременно подстрелил чудовище!

Между тем чудовище или змея, как его назвал Знайка, всё ближе и ближе подходило к нашей джонке.

— Не бойтесь, братцы! — крикнул Мик. — Я сейчас поймаю эту змею! — и он уже собрался бросить длинную верёвку с петлёй на конце. — Только стойте смирно, — продолжал Мик, — а то вы так раскачали джонку, что мне трудно попасть в змею.

Когда наконец все немного успокоились, Мик скомандовал сам себе:

— Раз! Два! Три!

И затем изо всей силы бросил верёвку по направлению к змее. Змея в это время высоко вынырнула из воды, подняла свою длинную шею, свернула её кольцом и презрительно посмотрела на Мика. Трркс! — и петля Мика очутилась на голове змеи.

— Ура! — закричал я громко. — Поймал!

Но оказалось не то: змея ловко нырнула в воду и исчезла с наших глаз.

Мы уже думали, что змея окончательно скрылась, как вдруг из воды опять показалась её страшная голова.

Мик вторично бросил верёвку, но теперь петля попала прямо в цель, на голову змеи, и очутилась на её шее.





Вазы Древней Греции

Тихие, торжественные залы Эрмитажа. Мягкий свет падает на витрины с выставленными в них античными вазами. Десятки сосудов различных форм, украшенные самыми разнообразными сюжетами и композициями, рассказывают о чудесном искусстве древних гончаров и художников, словно переносящем нас в Грецию VI–V веков до н.э.

Чаще всего авторы росписей на вазах обращаются к сюжетам мифологическим, воспевая мужество Героев-воинов, прославляя красоту античных богов и человеческое достоинство. Вазы, предназначенные для повседневной жизни, имеющие утилитарное назначение, одновременно выполняли функции предметов изобразительного искусства, вносили в быт древнего человека изящество и красоту. Невозможно остаться равнодушным, созерцая изысканные орнаменты и





увлекательные сцены, изображенные художником на этих сосудах. На большой гидрии¹ из Эрмитажа представлен момент борьбы Геракла с Тритоном. Могучими руками обхватил Геракл грудь чудовища, которое склонило голову, как бы напрягая все усилия, чтобы разжать это крепкое объятие. Длинный хвост тритона извивается кольцами, чудовище пытается свалить Геракла с ног. В этой ро-



списи нет ничего лишнего, измельчающего основной ритм сюжета. Лаконизм характерен всем греческим вазам, их убранство легко читается и обозримо.

Искусство керамиста, изготавлиющего вазы, и художника, расписывав-

шего их, высоко ценилось в Греции. Чаще труд гончара и живописца носил раздельный характер, и на вазах сохранились подписи авторов-изготовителей, свидетельствующие об этом факте. «Гиерон сделал, Макрон расписал», «Гисхил сделал, а Эпиктет расписал», — написано на одних сосудах. Гораздо реже встречаются такие надписи, как «Экзекий сделал и расписал меня».

Подписи гончаров и художников встречаются отнюдь не на каждой вазе. По-видимому, подписная посуда ценилась высоко.

Одним из выдающихся мастеров греческой вазописи является художник Евфроний, ра-

¹ Гидрия — одна из форм греческих ваз, сосуд с тремя ручками, предназначенный для переноски воды. Наиболее распространенные формы греческих ваз, кроме гидрии, — амфоры, килики, кратеры, лекифы, пелики, ритоны.





ботавший в VI веке до н.э. На вазах с подписью талантливого художника-керамиста, кроме традиционных мифологических сюжетов, нередко встречаются и сцены из повседневной жизни современной ему Греции. На стенках из медного психтера, сосуда для охлаждения вин, Евфроний изобразил фигуры четырех женщин, возле-





жащих на расшитых подушках. Под звуки флейты они играют в популярную среди греков игру — коттабос. «Ваза с ласточкой», попавшая в Эрмитаж в 1904 году из коллекции крупного русского чиновника, который выиграл ее в карты у богатого путешественника графа Гурьева, отличается простотой и жизненностью сюжета. Художник мог наблюдать такую сцену на афинских улицах. «Смотри: ласточка!» — говорит юноша двум мужчинам, беседующим между собой. Один из греков восклицает: «О да, кля-

нись Гераклом!» Мальчик восторженно приветствует наступление прекраснейшего времени года: «Вот она! Уже весна». Сколько торжества и радости в надписях Евфрония, запечатавших этот немногословный, но значительный разговор!

В кратком очерке трудно рассказать о богатейшем собрании ваз Эрмитажа. Хочется пожелать читателю внимательно осмотреть античные залы этого чудесного музея, где выставлены расписные вазы, и насладиться вещами изумительной красоты.



Змея зашипела, завиляла хвостом, стала извиваться во все стороны.

— Держи! Держи крепче! — закричал Мик, стоя на краю палубы.

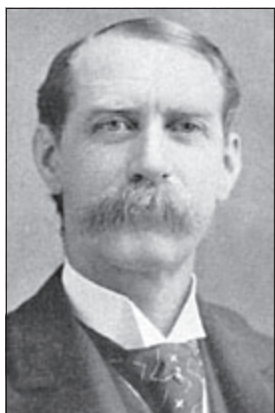
Все остальные лесные человечки, стоявшие тут же, схватились за верёвку и стали тащить её изо всех сил.

— Тащи! Тяни! — командовал Мик. Змея шипела, высоко подняв хвост, затем быстро опустилась, выкатив глаза.

— Ура! — закричали мы все, сидевшие в трюме, наблюдая, как змея погружается в воду.

Чи-ка-чи ловким ударом разрубил верёвку, и змея упала на дно.

— Ура! — вторично повторили все. Мы были спасены.



Дорогие друзья!

Только что вы прочитали фрагмент из сказочной повести канадского писателя и художника Палмера Кокса (1840–1924) о приключениях маленьких волшебных человечков. Главный из них — Мурзилка, которого вы,

скорее всего, представляете жёлтым и пушистым малышом в неизменной береточке и шарфе. А сказку о маленьких человечках — Незнайке и его друзьях — вспомните, конечно же, ту самую, рассказанную замечательным советским писателем Николаем Носовым... Кстати, сам Носов никогда не скрывал, что позаимствовал своего главного героя у Палмера Кокса. Его «коротышки из Цветочного города» совсем другие. Но и «брауни» Кокса по своему интересны. Брауни — название из шотландско-

английского фольклора — ближайшие родственники домовых, маленькие человечки ростом около девяти сантиметров — были необычайно популярны в конце XIX — начале XX века. Отрисованные до мельчайших подробностей самим автором, книжки о маленьких человечках-брауни можно, пожалуй, назвать комиксами.

Кокс придумал около сорока маленьких героев, и у каждого был свой облик: Чолли Бутоньерка носил цилиндр и монокль (именно он впоследствии станет Мурзилкой), другой одевался,

как китайский крестьянин, третий был вождём индейского племени, и так далее. Оригинальным «русским» брауни у Кокса был экс-нигилист профессор Котчакофф. В России тоже печатали книги Кокса: их переводила и адаптировала для русского читателя переводчица Анна Хвольсон. Именно Анна придумала русские варианты имен маленьких человечков, в том числе столь популярное всем имя Мурзилка. Герои были столь популярны, что основанный в 1924 году детский журнал называли «Мурзилкой».



Калиновый куст

Олег Трушин

Позднее утро. Морозный туман плотно затянул округу и от всей улицы в десяток домов, высвечивается лишь небольшой фрагмент угла ближнего дома. Туман явно надолго. Вязкий, седой. Словно серое, промозглое небо сошло на землю.

Под покровом тумана в кроне старой берёзы звенит стайка свиристелей. Один за другим слетаются они с мелодичным пересвистом на старый калиновый куст, клоня к земле упругие и без того отяжелевшие от сочных рубиновых кистей ветви. Ягоды, прихваченные крепкими утренниками, будто бы что и делали, как ждали эту стайку. Осыпаются наземь оброненные свиристелями ягоды и тотчас теряются из виду в коричневатой высохшей некости. Вспугнутая откуда ни возмись налетевшей вороной, стайка шумно срывается с куста и рассаживается вновь в крону берёзы, утопающей в тумане. И вновь оттуда слышатся их мелодичные переливы — словно где-то там, в поднебесье поигрывают таинственные колокольчики.

Утро хмурит после прошедшего дождя и в комнате ещё не сошла мгла ночи. От утренней прохлады стекло «замерло» влагой, капельки которой, одна за другой, стекают вниз, оставляя за собой неровные дорожки. На полу мирно полёживается рыжий кот, и тепло от протопленной с вечера печи уже порядком выстудилось за ночь. Под одеялом тепло и уютно, и совсем не хочется окончательно просыпаться и вставать. И я в какой-то момент понимаю, что свиристели, калиновый куст и сильный туман это всего лишь сон.

Большая синица постукивает в стекло окна, видимо, заприметив что-то, для себя необычное, а может быть, попросту увидела завалившуюся в оконный проём от холода оцепеневшую муху.

Визбе за ночь настало и от пола потягивает холодком. Печь к утру совсем задремала, остудив кирпичи. В доме гнетущая тишина. Только слышно, как постукивает часовой маятник на стенных часах.

Дремотная тишина зимнего утра.

Упечи охалка сосновых поленьев, приготовленная ещё с вечера, дожидается своего часа. В подполье тоскливо мяучит пробравшийся через лаз озябший, наверное, соседский, кот.

Зима в самом её пике. Власть длинных ночей и лютых морозов. А мне почему-то снилось бесснежное предзимье и калиновый куст со свиристелями. Тот, что у старых яблонь, разросшийся, прикрытый сверху, словно шатром, крепким разлапистым яблоневым суклом.

Сколько осеней миновало, а вот та осень, когда этот куст в саду появился, в памяти зарубку оставила. Мглистая, ненасытная на дожди, — с ними и в первый зимний месяц шагнула. Да и декабрь сыростью маял — не желали морозы накрепко вымоченную землю прихватывать. До самого Николы-зимнего зима никак не могла осень осилить, переломить её на свой лад. И лишь под самые новогодние торжества накинула природа снежное одеяние.

Посадить в саду калиновый куст было тогда давним желанием. Калина — лесной житель. Пройдись по берегу реки, загляни в сырые низинки, и наверняка заметишь калиновый кустик. Хотя и лес от дома в двух шагах, а калиновый куст всё одно в сад просился.

Прямо за домом небольшая полянка, а за ней плотный ельник, упирающийся в узкую ленту речушки, поросшей по берегам ольхами да осинами. Весной, из года в год, речные берега затоплялись разливом, подгоняемым талыми водами и тогда русло вовсе терялось среди поднявшейся поймы воды. А с некоторых пор появились на этой хилой речушке бобры — строители. Устроили плотину, заболотили берега и уж теперь просто так, одним шагом, речку не переступить.

Сприходом апреля, на стыке дня и ночи выправляя полёт в сторону Чистого луга, над руслом реки начинали тянуть вальдшнепы, а в черёмуховых кущах, что одними из первых покрывались молодой зеленью с первым майским теплом начинали петь соловьи. А в тенистых уголках луга оживал, распуская листы, папоротник и зацветал ландыш. В лунные, с прохладцей, ночи соловьиное пение было наиболее звучным, и его отголоски доносились до моего дома.

Густо зарастая папоротником, хмелем, что тянулся лианами по стволам деревьев, перекидывался с куста на куст, вплетался в

прибрежный осотник, берега речушки летом, становились вовсе непроходимыми. Да и в это время года мало кто сюда ходил, если не урожай лесной малины, предпочитая обходить речные заросли чистой тропкой, что тянулась мимо Чистого луга и молодого бора.

Осенью по берегам реки появлялись проторенные грибниками тропы в поисках дружных семеек опять, что водились тут на сухих ольхах. Ну а уж кому нужна была ягода калины, то в первую очередь шли именно сюда.

Калиновый куст по осени не пройдёшь — выдаст рубин ягодных кистей. Да и в пору цветения калина во всей красе.

Хоть и любит калиновый куст, где посырей, но вот явной болотины всё же сторонится. Обязательно старается на бугорок забраться там, где посуше.



Заранее я тогда приметил для себя парочку калиновых кустов, росших на самом береговом валу. Один побольше, другой поменьше. Но оба в несколько кустиков от корня, с молодыми побегами.

Быстро я тогда выкопал саженцы. Старался их отнять у земли так, чтобы корни не подрубить — уж очень боялся что не примутся. Осторожничал, выкорчёвывал кусты из раскопа, прихватив вместе с корнями тяжёлый пласт чернозёма. Когда выкопал, понял: на руках никак не отнести — уж слишком тяжёлыми они мне тогда показались. На тележке возил, неторопливо, чтоб землю на корнях не обить.



Осенний день ноября короток, скоротечен. Хорошо когда после лёгкого ночного заморозка день ясный. Такого дня и ночь сторонится, — не сразу силу берёт. А вот когда дождевая хмарь власть берёт, тут и ночь густыми сумерками раньше положенного дня прибирает.

Спешил я тогда дотемна управиться. С местом посадки сразу определился — главное, посадить так, что б из окошка дома видно было. Так, для одного из кустов выбор пал на местечко, что возле антоновской яблони. Просторное. Светлое. Это теперь старая антоновка нахлобучила ветви над калиновым кустом, а тогда лучше этого места для посадки и придумать было трудно.

Икто мог подумать, что так надолго врежется

в память тот вечер поздней осени с быстро угасающим днём и откуда ни возьмись появившимся журавлиным караваном, то ли заблудившимся, то ли дождавшимся самых крайних дней, чтобы проститься с родными местами до новой весны.

После той осени я больше никогда не видел ноябрьских журавлей. Словно не хотели они тогда улетать с родных мест — до самого глубокого предзимья тянулись. И вот стронулись в путь, зная, приближающиеся холода почувствовали. И, растворившись во мгле нарождающийся ночи, ещё некоторое время было слышно их отдалённое курлыкание.

Ачерез несколько дней на вымоченную дождями землю лёг первый снег. И всё стало до неузнаваемости ослепительно белым и необычным, давно забытым. Белыми стали крыши изб, сараев. Белые змейки протянулись по заборным жердям, а штакетники принарядились в белые шапочки. Скрылось под снегом всё неудобье прошедшей осени, палая листва,

грязь размытых дождями дорог. Накрыл снегопад и мои калиновые кусты...

Много в моём саду памятных местечек. Вот стройная туя и бордовый барбарис из Петрозаводска, а вот кустик сирени от самой усадьбы Михаила Шолохова в Вёшенской. А вот пихта и лиственницы из горного Алтая и кедр, посаженный на рубеже второго и третьего тысячелетий. Даже кедровый стланик с далёкого озера Байкала есть. Да много ещё чего! Но самые

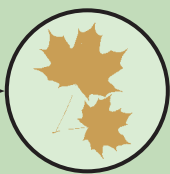


дорогие воспоминания дают те уголки сада, где каждый кустик и каждое деревце родом из детства и юности. С ним не прерывается связь времён!

Ита осень, и те последние журавли, проплывающие в поднебесье на исходе дня, теперь словно ласковый сон, и лишь калиновый куст есть напоминание о той поре. Без него бы и тот день жизни давненько бы уж стёрся из памяти.

Икаждую осень, стоя у калинового куста, я вновь и вновь всматриваюсь в высь, словно пытаюсь увидеть тот самый косяк журавлей, словно прихвативший с собой в дальние края светлую пору моей юности.





Василёк

Полевой синий цветочек — пожалуй, самый русский, самый любимый. Кажется, что василёк и ромашка — неизменная парочка в русском букете... Но василёк любим и распространён во всем мире. Василёк был известен ещё древним грекам. Они и дали ему название, которое означает «синий». Согласно мифу, цветок назван в честь знаменитого кентавра Хирона, которому были известны целебные свойства трав. Латинское его название переводится как «сто жёлтых цветков», так как цвет васильков бывает не только синим, но и жёлтым, белым, розовым и лиловым.



Василькам посвятили живописные работы многие художники, такие как Венецианов А. Г., Маковский К. Е., Грабарь И. Э., Левитан И. И.

Достаточно вспомнить полотно Игоря Грабаря «Васильки», где на фоне жаркого полдня две подруги вспоминают о своей юности перед огромной охапкой васильков.

У василька есть своя тайна — распространение его семян. Они ползают...

На верхушке гладкой, очень блестящей семянки василька, напоминающей по форме ржаное зернышко,

есть небольшой хохолок из белых волосков.

Хохолок василька — это основной орган передвижения семян, с его помощью они и «ползают».

Намокая, он сокращается, а высыхая, удлиняется.

Волоски же хохолка имеют направленные в одну сторону зазубрины, которыми они упираются в неровности почвы. При сокращении или удлинении васильков семянка движется.

Васильки, кроме своей декоративности, обладают и другими свойствами.

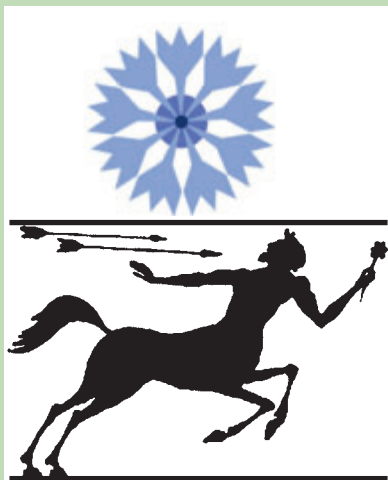
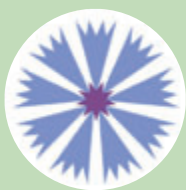
Они хорошие медоносы, а лекарственные свойства растения используются уже многие века.

У василька голубого цветы используют как противомикробное средство, при заболевании почек, печени, как мочегонное средство.

Люди так привыкли к василькам, этим голубым цветам, что даже когда речь идет о каком-то предмете ярко-синего цвета, описывая его, говорят что предмет василькового цвета.

Но васильки могут иметь и другие оттенки.





Венок из васильков был найден в саркофаге гробницы Тутанхамона, во время раскопок.

В Бельгии василёк являлся эмблемой свободы.

Горнорабочие во время стачек прикалывали василёк к своим одеждам.

С давних времен он считается символом преданности и нежности.

В 1968 году василёк был объявлен национальным цветком Эстонии.

Валерий Чкалов в 1937 году, когда совершил полёт через Северный полюс, подарил букет васильков первым встретившим его американцам.

Василёк является одним из лучших цветков для плетения венков.

В засушенном виде он имеет сильный пряный запах, иногда его использовали как благовонное окуривающее средство, и плели обрядовые венки из василька.

Образ василька — любимый элемент декора ткачих и вышивальщиц.

Василёк, несмотря на свою красоту и изящество, является сорняком.

Было доказано наукой: если к 100 семенам ржи добавить одно семечко василька — рожь растёт лучше, но большее количество семян угнетают рожь.



Валерий
Брюсов

ВЕНОК
из
ВАСИЛЬКОВ

Любо василёчки
Видеть вдоль межи, —
Синенькие точки
В поле жёлтой ржи.

За цветком цветочек
Низко мы сорвём,
Синенький веночек
Для себя сплетем.

После, вдоль полоски,
К роще побежим.
Шепчутся берёзки
С небом голубым.

Сядем там на кочке...
Зной и тишина...
В голубом веночке
Высь отражена.

Песенку не спеть ли,
Притаясь в траве?
Облачка — как петли
В ясной синеве!

Локоны в веночке
Вроде облачков...
Ломки стебелёчки
Синих васильков!

Там, внизу, под склоном, —
Нежный шум реки.
Здесь, в шатре зелёном,
Реют мотыльки.

Мы, как мотылёчки,
Здесь укрылись в тень,
В синеньком веночке,
В жаркий летний день!

1917



Надежда Бессонова
Художник Г. Лопачёва



Декабрист

— Ну, надо же! Декабрист второй раз зацвёл! — удивилась мама. — Как раз к моему дню рождения.

— Обрадовать тебя решил, — сказал папа.

— Спасибо, спасибо, дорогой мой, — поблагодарила цветок мама и стала рассказывать нам его историю:

— Как-то моя бабушка, ты сынок, был ещё совсем маленьким, принесла мне отросточек от своего декабриста. Она декабрист очень любила. Рос он у неё большим шикарным кустом. Каждый год пышно расцветал. Посадила я этот отросточек в горшочек, поставила на окно, — продолжала мама. — Ухаживала за ним. Год проходит, дру-

гой, а он всё не растёт и не растёт.

— Что-то ему не так было. Бунтовал, — вставил папа.

— Рассердилась я как-то на него однажды, поливая, — продолжала мама, — говорю ему: «Не будешь расти, выброшу!» И что вы думаете? Декабрист тут же в

рост пошёл, да так активно, что сразу и зацвёл. Я даже дату запомнила — 14 декабря зацвёл!

— С характером парень. История твоего декабриста достойна декабристов с Сенатской площади, — оживился папа.

— Потомок, — улыбнулась бабушка.

— Каких ещё декабристов? — не понял я. — Что с ними было? — хотел я узнать поскорей.

— С декабристами? — спросил папа. — Их расстреляли, правда, не всех. Многих царь в ссылку в Сибирь сослал.

Я ничего не понимал. Кто кого расстрелял? Почему расстрелял? Царя я знал только одного — Гвидона, но в сказке там





ни про каких декабристов не говорится, и площади Сенатской там тоже никакой нет, и цветка такого там тоже нет.

— А декабристы это кто?

— Люди, — коротко ответил мне папа, давая понять, что ему некогда. — Будешь историю изучать, всё про них и узнаешь.

— Восстание они устроили в Санкт-Петербурге на Сенатской площади, — пояснила бабушка.

В голове у меня всё перемешалось. Я посмотрел на нашего декабриста в горшке. Он, действительно, второй раз выпустил бутоны, некоторые уже начали раскрываться. В декабре, как ему положено, он уже цвёл, как каждый

год цветёт в декабре, а теперь-то уже март! Как мы должны его теперь называть? Ведь его декабристом называли, я это хорошо знал, потому, что он цветёт в декабре.

Звонить ребятам Кольке с Лёшкой было бесполезно. Декабриста у них не было, но меня уже интересовала Сенатская площадь. Почему тех людей называли декабристами? За цветок? Наверное, он у них тоже был? Ну, да, бабушка ведь сказала «потомок». И их за это расстреливали? Я весь похолодел, подумав, что из-за нашего декабриста мы можем все пострадать.

— Нас тоже расстреляют? — спросил, встревоженный, я маму.

— Ты это о чём? — не поняла она.

— О декабристе.

— Ну, разве ты сам не видишь, что он расцветает?

— Давай поедем на Сенатскую площадь. Прямо сейчас.

— Сейчас мы не можем. Она далеко. Как-нибудь обязательно съездим.

— А декабристов почему расстреляли? Почему? — тормозил я маму. — Кто они?

— В следующий раз расскажу. А сейчас мне пора на работу. А тебе задание. Пожалуйста, полей декабриста и опрыскай его хорошенько из пульверизатора. Он это очень любит.

— Весь в меня, — подумал я. — Купаться я тоже люблю.

Декабриста я быстренько полил, но всё же про декабристов — людей мне не терпелось скорее узнать. Хорошо, что бабушка мне всё про них рассказала. Теперь я знаю, что их называют декабристами потому, что восстание на Сенатской площади было в декабре месяце, но только в 1825 году против царя.

Я повеселел. Нас не расстреляют! Взял пульверизатор и опрыскал декабриста ещё раз.

— Молодец! — сказал.

— Ты кого похвалил? Себя или декабриста? — поинтересовалась бабушка.

— Декабриста, конечно, — выпалил я, — и себя тоже, — добавил довольный, улыбаясь.

Наталья Будур, Зелимхан Евлоев

Фотографии: Зелимхан Евлоев



УГОЛОК
РОССИИ

Елецкое Чудо Света

Великокняжеский храм в Ельце называют одним из самых красивых в городе. Это спорно. Он слишком необычный и сложносочинённый. А вот то, что он никого не оставит равнодушным — это точно, тем более что и история его полна неожиданных поворотов сюжета.

Храм по сути — целый комплекс зданий, при этом у него есть и подземная часть, а раньше он соединялся специальным переходом со стоящим рядом Домом призрения — Приютом для «сирых и убогих» — через Лестничную башню. И совершенно неоспоримый факт, что он — символ купеческой благотворительности, поскольку построен был на деньги потомственного Почётного гражданина Ельца, купца первой гильдии, коммерции советника Александра Николаевича Заусайлова.

Великокняжеским храм стал называться не сразу — как и не сразу построен, хотя был возведён фантастически быстро — менее, чем за два года. У него есть и другое название — храм святых благоверных князей Михаила

Тверского и Александра Невского — небесных покровителей великого князя Михаила Александровича Романова и строителя храма — Александра Николаевича Заусайлова.

1 марта 1881 года террористы убили Императора Александра II. В память о нём по всей России были построены многочисленные храмы и часовни. В Ельце часовню в память о Царе-освободителе возвели в 1883 году. Великий князь Михаил Александрович Романов побывал в Ельце осенью

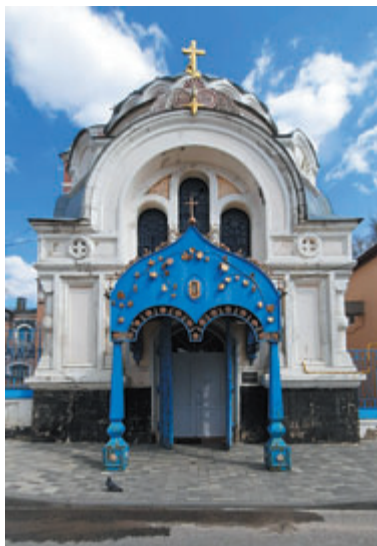
1909 года по приглашению Елецкого общества хоругвеносцев, основанного в 1907 году, покровителем которого он был, и посетил часовню, выстроенную в память его деда.

Князь Михаил Александрович был принят радушно, а приезд его вызвал волну верноподданнических чувств. И одна из улиц стала именоваться Великокняжеской, и храм в честь визита было решено соорудить.

Великокняжеский храм задумывался как продолжение Царской часовни. Проект его был выполнен орловским епархиальным архитектором Эдуардом Эдуардовичем Вильфартом.

Сразу скажем, что храм получилось необыкновенным — настоящее чудо света. Над местом строительства был сооружён деревянный отапливаемый «шатёр», что позволило вести работы без остановки всё зимнее время 1909–1910 годов.

К весне 1910 года работы по возведению стен и сводов Александро-Михайловского храма были завершены, и началась отделка фасадов и интерьера специ-





ально изготовленной модульной майоликовой плиткой, а также устройство майоликового иконостаса.

12 марта 1910 года состоялось торжественное водружение креста на сооружаемый храм.

Полый внутри «хрустальный» крест был выполнен на металлическом каркасе, днём сверкал на солнце, а ночью подсвечивался электричеством. По верху главного купола проложили медную трубку с отверстиями, к ней пода-



валась вода по свинцовым трубам из храма при повороте особого крана.

Согласно преданию, оригинальный крест после революции спасли местные жители. В советское время его хранили в потаённом месте и лишь в наше время извлекли из укрытия и вновь установили на своё место. Более приземлённая версия гласит, что оригинальный крест был уничтожен коммунистами. Мастера-стеклодувы из Гусь-Хрустального воссоздали его в 1996 году.

Однако вернёмся к строительству храма.

Купола его были вызолочены, кровля покрыта медью и тщательно пропаяна. Чердачное помещение отапливалось. А 18 августа 1910 года на звонницу был поднят главный колокол весом в 100 пудов.

К началу февраля 1911 года храм был полностью готов. При его сооружении были использованы все технические новинки начала XX века: бетонные своды, электричество, автоматически убираемые сидения, водяное отопление, водопровод.

В самом храме поднималась и опускалась люстра. С севера и запада входы в храм украсили ажурные чугунные крыльца-сени на фигурных столбах.

Большое впечатление производит внутреннее убранство храма, стены и своды которого полностью покрыты майоликовой плиткой, имитирующей мозаику, с изображением на западной стене «процветшего креста», а на парусах символов евангелистов. Иконостас также был сделан из майолики с Царскими вратами из серебра. В окнах были цветные витражи. На алтарном своде и на западной стене трапезной были вмонтированы стеклянные в латунном обрамлении кресты с электрической подсветкой. Жертовник и престол в алтаре были

из чеканной меди. Пол в храме был паркетный, а панели стен отделаны дубовой рейкой.

Освящение храма святых благоверных князей Михаила Тверского и Александра Невского состоялось 11 февраля 1911 года в присутствии великого князя Михаила Александровича.

Всё было организовано с купеческим размахом. Под присмотром самого Заусайлова были сооружены арки из живых оранжевых цветов — и это зимой! От новой церкви к кафедральному Вознесенскому собору легли на снега дорогие ковры, а обочины тоже были украшены цветами.

Александр Николаевич Заусайлов, для которого Александром Михайловский храм стал по-настоящему делом жизни, обязался построить при храме Дом призрения, посвятив его предстоящему 300-летию царствующего дома Романовых.

Закладка состоялась 25 апреля 1912 года, и практически сразу начали строительные работы.

Документов, указывающих имя создателя этого здания, не сохранилось. Молва приписывает авторство Виктору Михайловичу Васнецову, тем более, что он оформил сходный по стилю фасад Художественной галереи Павла Михайловича Третьякова в Москве.

Фасады Дома призрения украшены многочисленными майоликовыми панно в стиле модерн. На фронте бокового фасада находится монументальное изображение древнерусского града.

Одновременно началось обустройство под Великокняжеской церковью пещерного храма, задуманного как копия иерусалимского храма Гроба Господня, в память исцеления цесаревича Алексея Николаевича, и посвящённого небесным покровителям государя императора и наследника — свя-



тителям Николаю Чудотворцу и Алексею, митрополиту Московскому.

По завершении строительства и после всех торжеств Александр Николаевич Заусайлов продолжал заботиться о Великокняжеской церкви и её благолепии, на собственные средства содержал прекрасный хор, который приходили послушать ельчане со всех концов города. А. Н. Заусайлов строил планы на будущее — он говорил о своём желании построить церковь для мужской гимназии. Однако этому не суждено было сбыться — 15 июня 1915 года Александр Николаевич скоропостижно скончался от холеры. Отпевание его состоялось в храме, им построенном, и здесь же в специально устроенном склепе под главным алтарём пещерной церкви он нашёл свой последний приют.

После Революции 1917 года храм ждали потрясения.

В 1922 году «товарищи» изъяли всю ценную утварь весом 2 фунта 94 золотника.

В августе 1923 года специальная комиссия осмотрела и пе-

щерный храм, найдя в нём «очаг всё губящей сырости: все церковные ценности немедленно удалить из этого помещения, а хранящийся там медный складень — памятник старины, передать в Елецкий пролетарский музей». В верхнем храме комиссией отмечена была особая ценность двух местных икон — «Христа и Божией Матери», которые «представляют собою богатые памятники художественного творчества позднейших времен». Эти иконы оставили под «особую ответственность» в храме.

Великокняжескую церковь, представлявшую до революции оплот патриотов и монархистов Ельца, закрыли одной из первых в городе.

Антирелигиозный музей просуществовал в стенах Великокняжеской церкви до Великой Отечественной войны, а затем уже не возобновлялся.

В январе 1956 года церковное здание по улице Советской арендовал горторг, а в 1962 году Великокняжеская церковь «безвозмездно» передана «на баланс

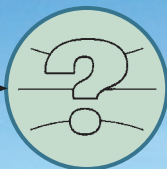
Елецкому горпромторгу по фактически оценочной стоимости» и использовалась как складское помещение.

Весь комплекс Великокняжеского храма представлял собой заброшенный квартал с горами мусора и грязи. В 1991 году начались восстановительные работы в Великокняжеском храме.

Сейчас храмовый комплекс радует глаз былым великолепием и является одним из самых притягательных для туристов объектов.



ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...



Сергей Ив. Иванов

Ольгин Крест

Ещё в войну на этом месте, на русском берегу реки Нарвы, находился погост — церковь святого Николая. В церкви хранился каменный крест, который, по преданию, воздвигла на берегу Нарвы святая княгиня Ольга. В 1944 году церковь была взорвана, реликвия пропала. Сейчас это место отмечено только пограничными столбами (обозначающими границу с Эстонией), старинным кладбищем и современным железным поклонным крестом.

История погоста Ольгин Крест теряется во мгле веков. Разрушенная в войну церковь была построена, по видимому, в XVIII веке на пожертвования жителей Пскова. Что здесь находилось до этого — неизвестно. Предание гласит, что ещё до своего крещения, будучи язычницей, княгиня Ольга отправилась сюда на охоту, и чуть не утонула, когда её лодка перевернулась. В память своего спасения она и воздвигла поклонный крест.



Место неподалёку от бывшего храма до сих пор называется «Зверинец» — тут, как считается, держали зверей для княжеской охоты (или уже пойманных?).



Церковь Николая Чудотворца

Историкам к народным легендам и сказаниям нужно относиться осторожно. Зачастую они объясняют происхождение того или другого названия поверхностно, по принципу «что ближе лежит», наобум. Конечно, в сказках, в поэтических сказаниях вроде наших былин или греческих мифов, в старинных обрядах содержатся богатые и глубокие сведения о нашем прошлом. Но волшебные сказки, складываемые и хранимые веками, и досужие версии отдельных крестьян о происхождении того или другого названия (так называемая «народная этимология» — это совсем разные вещи.

Что касается обрядов, то в этом погосте существовали довольно необычные свадебные ритуалы. Как повествуют дореволюционные краеведы, выпросившие

местных жителей, среди русских православных жителей Принаровья существовала традиция похищения невесты — почти как у горцев Кавказа! Правда, до XIX века этот обряд дошёл в смягчённой форме: и невеста, и её родители были в курсе планируемого похищения, но изображали, будто ничего не знали. Священник (по рассказам краеведов) венчал молодых «тайно», за закрытыми дверями, и только после окончания венчания в храм пускали родителей невесты.

Несомненно, когда-то такая свадьба выглядела иначе, и похищение невесты происходило, скорее всего, по-настоящему, хотя и в далёком прошлом с родителями невесты могли заранее договариваться. Вот только фигура православного священника в этом обряде выглядит, мягко говоря, неуместно. Даже имитация похищения выглядит небла-



«Языческий брак в Древней Руси». Современная реконструкция

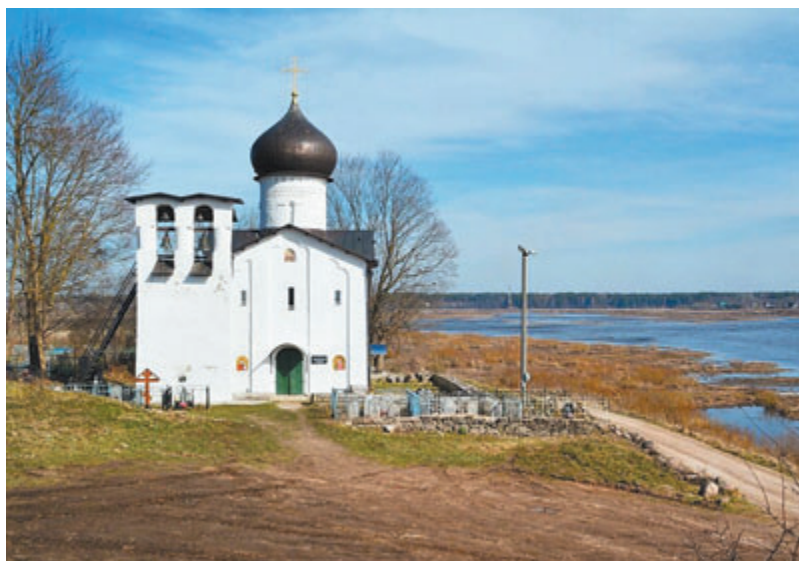
гочество, не говоря уже о настоящей краже.

Но зато такое «венчание» могли запросто осуществлять какие-нибудь языческие жрецы, волхвы. Однако христианство пришло в окрестности Пскова уже давно. Сама княгиня Ольга, первая православная великая княгиня, была, согласно её Житию, пскови-

тянкой. Конечно, она постаралась обратить в православие как можно больше своих земляков. Затем проповедью христианства занимался её внук князь Владимир. Его проповедь была успешной, во многом благодаря почве, подготовленной княгиней Ольгой. К концу десятого века языческие культы в центральных землях Руси



А. Корзухин. Девичник. 1889 г.



Погост Выбуты — родина княгини Ольги

уже начали исчезать. Значит, свадебный обряд, следы которого охранялись до девятнадцатого века, зародился никак не позже века девятого, а наверняка — ещё раньше. И скорее всего, на месте православной церкви (как это часто бывает) в языческой древности находился храм идолослужителей.

Что это был за храм? Может быть, простое капище в лесу под деревом. Какому идолу он был посвящён?

Об этом может свидетельствовать странный топоним «зверинец» подле православного храма. Занималась ли в самом деле княгиня Ольга охотой? Занятие это для женщины всё-таки не очень подходящее. Но даже если и занималась — зачем ей зверинец, если в ту пору животные ещё во множестве населяли леса?

А вот для каких-нибудь языческих культов зверей вполне могли содержать. Это могли быть звери не очень опасные, но такие, которым поклонялись (например, кот или корова). А мог-

ли быть и хищники — медведи, волки, рыси. Им тоже поклонялись, но могли и отдавать им на растерзание жертву... может быть, даже человеческую. Версии о какой-то особенной гуманности славянских язычников всего лишь выдают желаемое за действительное. Не были наши предки гуманистами, но не были, конечно, и злодеями. До обретения православной веры люди точно так же, как и после крещения, осознавали собственную греховность, но не могли её преодолеть по-настоящему, поэтому и при-



носили бесчисленные жертвы, тщетно пытаясь искупить вину и вымолить необходимые блага. Ведь и знаменитые бои римских гладиаторов были не только кровавым шоу, но и способом жертвоприношения, особым жребием: кого одолеет противник, тот и приносится в жертву.

Так что вполне возможно, что когда-то, ещё задолго до княгини Ольги, на берегу Нарвы тоже творились кровавые соревнования. А может быть, и девушек похищали не только для того, чтобы взять их замуж. Кого-то из них могли отдавать зверям или приносить в жертву иначе. Такое происходило в языческие времена повсеместно: от Прибалтики до Греции, от Крыма до Англии. И в Азии, и в Америке совершались кровавые обряды.

И конечно, первым действием православной княгини, если она оказалась бы на месте, где совершались такие жертвоприношения, стал бы запрет ритуала и освящение места, а также постройка церкви. Может быть, сначала княгиня Ольга лишь приказала установить крест в знак присутствия христианства на берегу Нарвы. Церковь могла появиться и позже.

А вот погост как таможенный и торговый пункт мог здесь существовать и раньше. По Нарве перевозили товары из Балтийского моря в Псков, Гдов и другие места псковской земли. Устье реки запирали крепости Нарва и Ивангород, но они могли появиться позже, чем погост в Ольгином Кре-

сте. А сама река Нарва служила границей между эстонскими племенами на западе, словенскими-новгородцами на востоке и псковскими кривичами, которые владели, вероятно, нарвским водным путём.

Однако соседство с эстонцами наталкивает на ещё одну версию происхождения обряда похищения невест в Ольгином Кресте. Возможно, этот обряд исконно был не славянский, а эстонский. Поскольку эстонские племена так и не приняли христианства (лишь внешним образом покорились датским и немецким миссионерам), языческая обрядовость существовала у них вплоть до современности. Возможно, среди других ритуалов у некоторых эстонских родов существовал и такой свадебный обычай. Тогда русские могли перенять его (например, после того, как какую-нибудь русскую девушку похитил эстонский жених) и начать использовать у себя.

Но вообще-то это маловероятно. Трудно представить себе, что христиане-славяне стали заимствовать языческую традицию. А если славяне были ещё язычниками, так зачем им заимствовать чужой языческий обряд? Не сходятся концы с концами у этой версии. Поэтому придётся вернуться к первому предположению — в погосте Ольгин Крест почти до наших дней сохранялись обычаи глубокой славянской старины.

В этом нет ничего невероятного. Ведь южная Прибалтика, к которой относится и река Нарва — это одна из прародин славян. Правда, центр славянских владений находился западнее, на острове Рюгене (современный Рюген в Германии). Но, волна за волной, балтийские славяне расселялись на восток. Они долго ещё сохраняли связь со своими старинными столицами в Северной Германии, а значит, поддерживали старинные традиции. Среди которых имела, конечно, и традиция умыкания невесты, и, может быть, более мрачные.

Вот куда, в какие исторические дали, нас завели скудные сведения краеведов об обычаях погоста Ольгин Крест. Зато теперь сложились в логичную картину и «зверинец» возле церкви, и «охота» княгини Ольги, и поклонный крест. Оказывается, прошлое не исчезает совсем бесследно. Всегда можно, схватившись за одну ниточку, вытащить целый «клубочек» сведений о нашем прошлом.

Ашишки

Художник Л. Зубарёва

У Тюшкина было хобби: он коллекционировал всё, что попадалось ему под руку.



Кобыла посмотрела на ямщика через плечо и заржала нечеловеческим голосом...

Стоял плодоносный конец Августа.

Заяц впился в глаза охотника от испуга.

Глаза вратаря, как и ноги бегали за мечом.

На новогодней ёлке нас угощали конфетами и хлопучками.



Герасим пожалел Муму, поэтому он решил её накормить, а потом топить.

Отелмо был душевным человеком.

Герасим полюбил Муму и от радости подмёл двор.

Они пошли за первым встречным Рюриковичем, который хотел отомстить за свою смерть...

Старый князь Болконский не хотел свадьбы сына с Наташей Ростовою и дал ему год условно.

Во второй половине дня Печорин любил пить кофе со сливками общества.



У мамы около рта появилась весёлая улыбка.

У нас в лесу зимой не осталось ни одной певчей птицы, кроме вороны.



Продолжаем публиковать творчество
детского альманаха МЦХШ при РАХ.
Учитель словесности А. Ю. Андреева.

Дедал и Икар

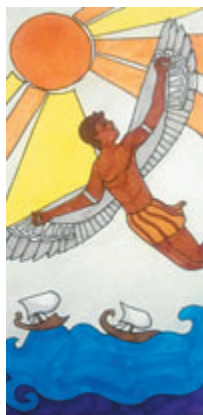
Гулина Ариадна, 6 А класс

Быть свободным

С ним мечта стала былью!
Наш Икар рвётся ввысь-
Белоснежные крылья
Вдруг направили вниз...

Мальчик так очарован.
Не страшило ничто.
Он — и лишь невесомость.
Жизнь покинет его.

Но он умер счастливым,
Он исполнил мечту:
Быть свободным от правил
И парить на ветру.



Митрофанова Глафира, 6 А класс

Порыв юности

Дедал с Икаром в плен попали,
Но план побега подобрали,
К свободе путь они сыскали,
Его им птицы подсказали.

И воск, и перья в дело шли.
Надежды юношу влекли.
Трудился лучше, чем отец.
Настал день взлёта наконец.

Икар забыл слова отца
Но он не глупая овца!
Он, бедный мальчик молодой,
Свободы жаждал всей душой.

Взлетел к звезде! Назад? — Нет-нет!
Он свет, свободы свет увидел,
Но солнца яркий добрый свет
На юношу навлёк погибель.

«Икар!» — зовёт его отец.
Увы, Икара больше нет.
И Икарийским море звали,
Чтоб юношу мы вспоминали.

Баранова София, 6 А класс

Светлое проклятие

Способность оживлять всё неживое —
Талант творца, сравнимый с волшебством,
Но Божий дар — стечение роковое! —
Стал для Дедала самым главным злом.

Талант стал клеткой, палачом — гордыня,
Уж, стало быть, Дедал был заключён.
«Мы улетим!» — позвал к свободе сына,
Но он не знал, на что он обречён.

Икар убит без жалости и скорби
Порывом к воле, к солнцу он казнён.

Иванисов Иван, 6 А класс

Полёт в небо

Поднялись высоко и Дедал, и Икар
И, любясь, парили над морем житейским,
И их крылья могучие ветер ласкал.
Опускались к солёным волнам тем Эгейским.
Только вдруг потерялся Икар в небосводе,

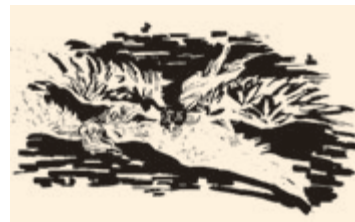
Он пропал среди тысячи солнечных брызг.
Заметался отец (вряд ли рад был свободе),
Он кричал и рыдал. Стал трагедией риск.
И был проклят тот день, когда он возгордился,
Но и к Миносу Критскому не возвратился.

Сударикова Александра, 6 А класс

Икар и Дедал

Свободу, свободу так просят они!
Им даже и смерть не страшна,
А солнце нещадно палит им глаза
И крылья сжигает в огне.

Изящное тело вмиг падает в море,
Плывёт по теченью и сгинет во тьме.
И стонет Дедал. О, отцовское горе!
И помнят потомки тот подвиг в веках.



НАШ ВЕРНИСАЖ

РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТУДИИ
ГАЛИНЫ ЛОПАЧЁВОЙ
г. МОСКОВСКИЙ

1, 5. Андрей Лопин, 7 лет

2. Наталия Лопина, 9 лет

3. София Зайцева, 6 лет

4. Ксения Пчелинцева, 11 лет

1



2



3



4



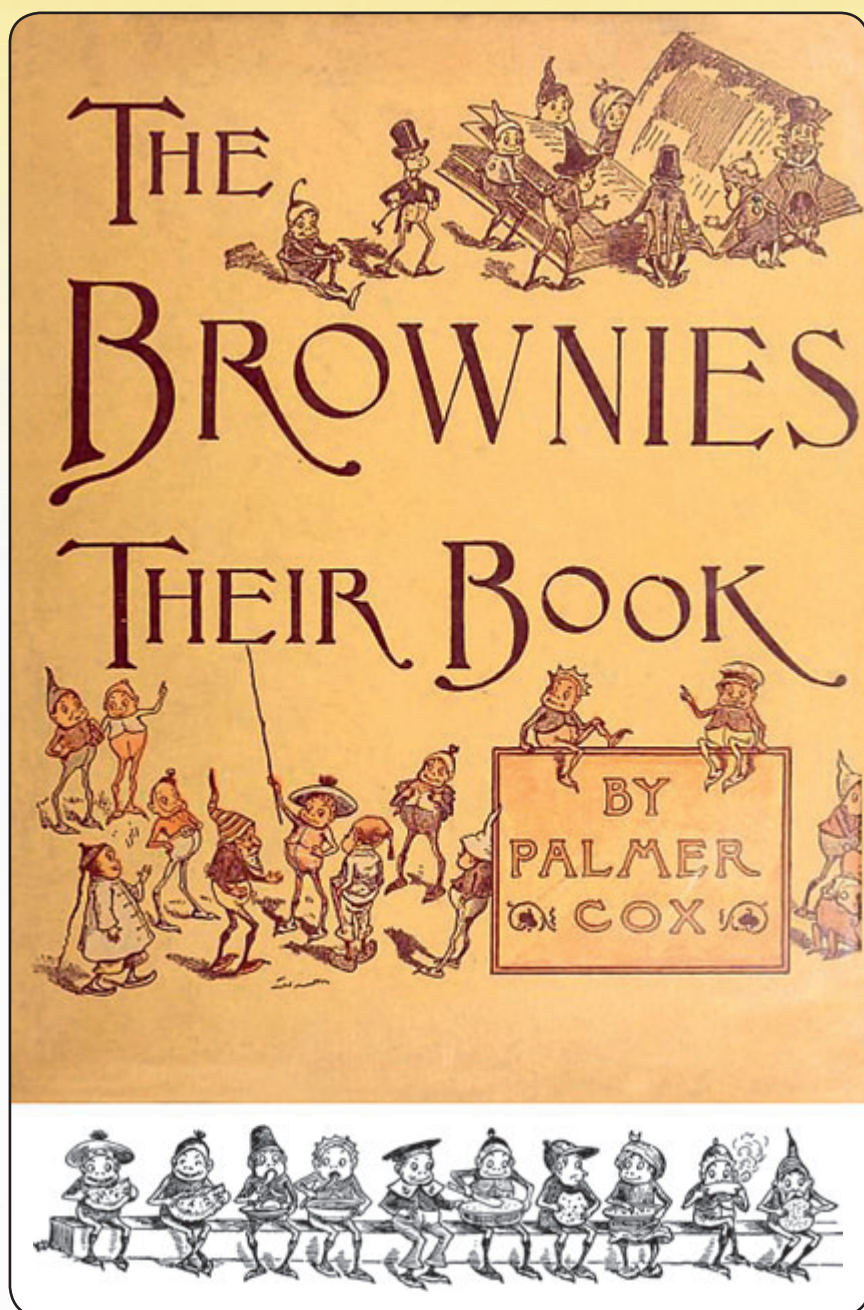
5





О
Ашипки

Брауни — маленькие человечки, придуманные художником и писателем Палмером Коксом (1840—1924). Они в родне с гномами, эльфами и домовыми. Живут рядом с людьми, но мы их не видим. А брауни путешествуют по миру, шалят и радуют маленьких читателей своими приключениями.



Палмер Кокс. Брауни: их книга. 1887 год. Обложка книги



ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО:
Ольгин Крест



ЖИВОЙ УГОЛОК:
Калиновый куст



ГЕРБАРИЙ:
Василёк